

А.А. Скворцов

УДК 174

**«Утопия» академической этики
и «антиутопия» университета**

Аннотация. Статья посвящена обсуждению ценностной трансформации академической этики. Автор показывает, что классическая университетская этика, сформировавшаяся ещё до эпохи активных реформ высшей школы, исходила из миссии поддержания в обществе высокого интеллектуального и культурного уровня. Это ценностное основание называется автором «утопией», поскольку миссия университета не смогла спасти его от разрушительной волны коммерциализации, во многом изменившей мотивацию сотрудников и восприятие высшей школы в обществе. Новый ценностный горизонт потребовал от рядовых работников и восприятие высшей школы в обществе. Новое стремление к получению прибыли. Автор называет новую ценностную парадигму «антиутопией», поскольку ещё 15 лет назад трудно было представить, чтобы высшая школа стала превращаться в коммерческое предприятие. Этот процесс, названный в статье «трансгрессией», привёл к существенному искажению главных направлений деятельности университета: педагогической, исследовательской и культурно-просветительской работы. Автор полагает, что данное обстоятельство ведёт к потере работниками университета своей профессиональной идентичности, аутентичная же университетская этика в наши дни остаётся делом лишь личного выбора сотрудника.

Ключевые слова: этика, академическая этика, университетская этика, наука, образование, реформа образования, утопия, антиутопия.

Многие университетские сотрудники справедливо считают, что сейчас – не лучшее время для образования. Бесконечные реформы, смысл которых в академических кругах давно перестали понимать, полностью изменили привычную с советских времён университетскую среду. Несомненно, в той среде обитало то, что принято называть «академической этикой». Она базировалась на идеальных принципах, главные из которых – быть на высоте культуры своего времени и отдавать все силы ради роста нового поколения исследователей. Личный успех тоже имел значение, но только в смысле лидерства в интеллектуальной сфере. Успех в плане построения академической карьеры и получения сопутствующих ему благ не рассматривался как главная ценность и зачастую высмеивался. Прогресс сообщества однозначно считался в академической среде большей ценностью, чем личный карьерный рост. Если вспоминать ситуацию конца 90-х – начала нулевых годов, то именно идеальные мотивы академической работы привлекали в эту среду молодых исследователей. Туда шли те, кто не желал вписываться в логику «купи-продай» утверждающегося российского бизнеса, а исходили из мотивов приобщения к высокой культуре, трансляции её молодому поколению и, в конечном итоге, – служения Родине.

Сложившаяся на тот момент академическая этика, как это неоднократно подчёркивалась в публикациях В.И. Бакштановского и Ю.В. Согомонова [2], была призвана отстаивать высокую миссию профессии. И нельзя сказать, что это утверждение было преувеличением, а сама этика – утопией. Низкое социальное положение преподавателя частично компенсировалось высоким культурным статусом и уважением в обществе. Это прекрасно помнит тот, кто приезжал из столичных вузов в региональные и собирал на открытых выступлениях сотни слушателей. Причём никто никого насильно не сгонял на эти выступления. Помимо этого мотива академическая этика имела и другое важное предназначение.

- Способствовала утверждению самосознания сообщества как устойчивой группы, живущей по своим традициям и ценностному укладу. Важно отметить, что управление этой группой осуществляли не менеджеры со стороны, а сами члены сообщества, которые, будучи на высоких административных должностях, оставались в первую очередь преподавателями и учёными. Именно они определяли аутентичные для этой среды цели развития.

- Указывала на высокую социальную значимость как профессии, так и самой академической среды. Приобщение к ней считалось эквивалентным приобщению к истинной

науке и высокой культуре, а сама сфера понималась как область служения истине, а не практикой оказания «образовательных услуг», как сейчас.

- Наконец, поддерживала стандарты наилучшей практики, т.е. высокие стандарты работы, которые ориентировались на призвание учёного. Так, «высокое качество» применительно к научным исследованиям и образованию было отличительной чертой университетов. Это же «качество» касалось отношений между коллегами, а также между наставниками и учениками, которые строились на взаимном уважении и заинтересованности в профессиональном росте обеих сторон.

Тот, кто работал в университетах в то время, может не согласиться с этим и сказать, что изображённая выше академическая этика не имела большого влияния. Университетский мир делился на территорию элитных вузов, действительно направленных на сохранение высоких стандартов работы, и большинство средних вузов, где происходило много негативного, например распродажа квалификационных работ или фактическая продажа дипломов в рассрочку. Но дело в том, что именно сложившаяся академическая этика требовала осуждать эти явления и противостояла попыткам их легализации. В этом плане академическая этика того периода отнюдь не была утопией, она была вполне действенной. Но, к сожалению, утопией было другое, а именно – уверенность в том, что этика сможет защитить сложившуюся академическую среду от разрушения. И здесь впору перейти ко второй части рассуждения – об «антиутопии университета». Как известно, антиутопией называется пессимистическое размышление о тягостном будущем, однако не только о нём: тревожные ростки этого будущего видны уже в настоящем.

Зададим себе вопрос: если бы мы, обитатели современных учебных заведений, те, кто пришли работать в это сообщество 15-20 лет назад, знали, что произойдёт сейчас, связали бы свою жизнь с университетом? Если бы мы могли представить, что будут происходить такие изменения, которые с полным правом тогда можно было бы назвать «антиутопией»?

- Например, главной целью работы в университетах станет зарабатывание денег для вуза. Это не только главный тренд наших дней, но и нередко открыто декларируется университетским начальством. Государство требует от вузов софинансирования, равного или даже превосходящего по объёму бюджетное финансирование, и это требование тяжким грузом ложится на сотрудников. Наука и образование отошли на третье и четвертое место после необходимости добывать гранты и организовывать платные образовательные программы для общественности. Фактически те, кто когда-то выбрали служение Родине вместо бизнеса, всё равно в итоге попали в бизнес с его жёсткой ориентацией на получение прибыли и эффективность работы.

- Произойдёт невиданная бюрократизация учебной, научной и культурно-просветительской деятельности. Живое общение со студентами будет заменено необходимостью писать отчёты о том, как происходит это (научное, образовательное и культурное) общение, а каждая новая интересная идея, как организовать такое общение, будет нуждаться в согласовании с двумя десятками начальников. В некоторых университетах вузовский преподаватель настолько потерял свободу, что вынужден сверять с руководителями каждый шаг, вплоть до отзыва на квалификационную работу, либо темы своей научной статьи.

- Оценка интеллектуальной работы преподавателя будет зависеть не от его рейтинга у студентов, или, например, не от востребованности в обществе, а от написания бессмысленных статей в журналах, которые никто не читает. Эта ситуация привела к колоссальному снижению уровня научных исследований в стране. Фактически такие публикации – это те же самые отчёты, столь же формальные и бессмысленные, но именно по ним распределяются блага и должности. Если раньше статьи публиковали для того, чтобы ознакомить коллег с результатами своей работы, то теперь их часто публикуют с надеждой, что их никто не увидит. И беда в том, что такая имитация интеллектуальной деятельности не оставляет времени для настоящей научной и просветительской работы.

- Разрушение привычной среды обитания университетских сотрудников, когда небольшие коллективы (кафедры), ведущие свою уникальную специальность, будут заме-

нены огромными департаментами, перемешавшими специализации и направления подготовки. В таком укрупнённом ареале возобладало мнение, что в принципе всё равно, кто какой курс будет читать. Поскольку студенты больше не получают квалификацию «специалист», а только «бакалавр» и «магистр», то и преподавать должны не специалисты, а кто угодно: у кого есть надлежащий индекс цитирования либо просто несколько публикаций по сходной с учебным курсом теме. Научные школы, которые тратили много сил для трансляции своих идей молодому поколению исследователей и уделяли огромное внимание педагогике, постепенно уходят в прошлое. Получилось так, что студенты стали главной пострадавшей стороной в этих реформах. Они пришли в университеты за образованием высокого уровня, а получают мизерную долю внимания педагогов, оставшуюся от написания бессмысленных статей и отчётов.

- Существование в атмосфере страха и подозрения. Этот фактор замечательно выразила в открытом письме министру образования профессор СГУ В.В. Афанасьева: «Страх господствует в системе российского образования – вернее, многочисленные страхи. Они связаны с нашей нищетой, с ужесточением административного контроля, с существованием рычагов давления, с помощью которых из сферы образования можно устранить любого. Страх перед начальством. Страх потери работы. Страх показаться политически нелояльным. Страх быть не христианином. Страх перед очередными бумажными компаниями. Страх упасть во время рейтинговой гонки. Страх перед студентами. Страх остаться без студентов» [1]. Университетский сотрудник теперь знает, что договор, заключённый им с работодателем, не даёт ему твёрдых гарантий на будущее; в результате новой волны реформ его могут просто уволить, понизить ставку, перевести в другое подразделение, произвольно поменять иные условия труда. Так называемый «эффективный контракт», внедрённый в некоторых вузах, по сути, является односторонним: работник обязан выполнять условия, а работодатель, зависящий от вышестоящего начальства, не может ему гарантировать ни сохранения места, ни финансовые условия. Деморализует не только правовая незащищённость, но и закрепившаяся практика навешивания на сотрудников ярлыков типа «неэффективен, поскольку не может сам себе обеспечить высокую зарплату», «отстающий, поскольку не набирает спущенного сверху количества баллов» и т.д.

- Навязывание деятельности, не свойственной преподавателю. Раньше каждый сотрудник знал, что три основных направления его работы в вузе – это преподавание, научные исследования и культурно-просветительская деятельность. Теперь преподавание заменено сферой услуг, исследования – бюрократией, а просветительская активность – культмассовыми мероприятиями, или, как это иногда называют «воспитательной работой». При необходимости выполнять значительный план по нагрузке и ставить рекорды по числу публикаций, на некоторых сотрудников возложены обязанности собирать студентов на митинги, концерты, субботники, т.е., как это сегодня принято говорить, заниматься ивент-менеджментом. Поскольку в некоторых вузах такие события носят периодический и массовый характер, то у сотрудников, вовлечённых в них, теряется понимание своей академической идентичности.

- Наконец, авторитаризм и политизация университетов. Из всего, сказанного выше, следует, что происходит грандиозная трансформация академической среды, но рядовые сотрудники лишены возможности участвовать в принятии решений. Это стало ужасающим контрастом с ситуацией 15-20-летней давности, когда университетская среда отличалась особым демократизмом, и многие решения обсуждались и принимались коллективом. Но отныне на решения, в сущности, разрушающие академический мир, не только нет возможности влиять, но даже их публично критиковать. Любая критика происходящего зачастую воспринимается руководством как политическая акция протеста, направленная лично против них. Справедливо утверждать, что в такой ситуации – отчуждения работников от целей развития их сообщества, – они фактически превратились в безмолвных клерков, от которых требуется исключительно повиновение.

Всё это – только часть сложных явлений, которые ослабевают либо усиливаются в зависимости от конкретного вуза. Уже тот факт, что условия работы в различных учреж-

дениях высшей школы существенно отличаются и разнятся главным образом по степени бесчеловечности по отношению к рядовому сотруднику, не позволяют говорить о единой академической среде. Сейчас мы скорее имеем дело с раздробленным научным и образовательным пространством, обитатели которого в первую очередь заняты собственным выживанием. Можно сказать, что мы имеем дело со случаем, когда антиутопия сбылась. Если же задать вопрос, как это стало возможно, то надо понять, что у всех перечисленных отрицательных, «антиутопичных» явлений есть общее основание – коммерциализация. Ещё лет 10 назад в университетской среде царило убеждение, что принципы рыночной экономики не будут жёстко применяться к сфере науки и образования, т.е. соображения получения прибыли не станут в ней главными. В эту сферу шли люди, не озабоченные личным финансовым обогащением, а скорее ищущие обогащения интеллектуального и духовного. Опасность коммерциализации не желали замечать, даже когда её жертвой становились другие социально значимые области – медицина, средняя школа, культура. Но сложилась так, что коммерческая революция в высшей школе случилась стремительно и почти без протестов. Напротив, многие сотрудники приветствовали её, надеясь наконец-то обеспечить себе достаток. Однако это обернулось тем, что деятельность сотрудников, как уже говорилось выше, также стала оцениваться по критериям эффективности бизнеса, в частности, по такому далёкому от академической жизни параметру, как объём привлечённых финансовых средств. Кое-кто, действительно, обеспечил себе достаток, но при этом абсолютное большинство работников высшей школы утратило своё призвание. Они пережили то, что на языке философов принято называть «трансгрессией», т.е. пересечение границы, которая раньше считалась непреходимой. Коммерциализация привела к почти полному уничтожению содержательной наполненности академической работы. В научной работе за деньги стало возможным опубликовать статьи любого содержания в любых журналах, награждённых почётным правом пребывания в различных списках. Защита квалификационных работ также зачастую превратилась в коммерческий проект: автор сначала платит за публикации нужного количества статей, а потом оплачивает защиту в ближайшем совете. О временах, когда по поводу содержания диссертаций ожесточённо полемизировали по несколько раз, обсуждая каждую фразу, теперь можно только ностальгировать. В педагогической работе значение имеет не качество преподавания, а количество отработанных часов; насколько слушатели усваивают материал – никого не интересует. Организационная работа, которая раньше была направлена на организацию конференций или коллективных научных исследований, теперь почти полностью сосредоточилась на добывании грантов, а конференции, дискуссии и даже коллективные монографии существуют только как ширма для получения грантов.

Но самое важное в контексте нашего рассуждения заключается в том, что ставшая реальностью антиутопия коммерциализации разрушает привычную этику высшей школы. Неформальные академические связи, часто построенные на общих научных интересах и дружеском общении, оказались заменены формальными деловыми отношениями. Вполне прозрачная и, как правило, чисто номинальная структура «руководство – сотрудники», основанная в большей степени на научном и педагогическом авторитете, была постепенно заменена жёсткой вертикалью «начальство-подчиненные» и стала напоминать практику комплаенс-менеджмента. При этом интересно наблюдать, как вчерашние преподаватели, критиковавшие разрушительные реформы науки и образования, выбившись в начальство, начинают поддерживать то, что происходит, и отказываются слушать мнение коллег.

Другим отрицательным моментом, характеризующим разрушение этичности отношений, стала невозможность ни ставить, ни даже понимать цели своей работы. Практически каждый год появляются новые установки сверху, которые часто противоречат и предыдущим, и вообще, – здравому смыслу. Ещё десять лет назад говорилось, что поскольку государство не финансирует науку в вузах, то научные исследования – это личное дело преподавателя, а его главное назначение – это педагогическая нагрузка. Государство так и не стало финансировать науку в вузах, дробно выделяя средства лишь в рамках грантов и госзаказов, но вскоре главным в работе вузовского сотрудника стали

именно научные публикации; преподавание же вдруг стало считаться не самым главным видом работы. Затем, как уже отмечалось, и научные исследования, и преподавание в рамках обрушившейся на университеты коммерциализации были объявлены не самоценными, а лишь средством для получения вузом дохода либо в виде грантов, либо договорных образовательных программ. Все усилия отныне должны быть брошены туда, но при этом самым затратным по времени является запредельное количество административных бумаг, которые должны производить сотрудники. Что ждёт академическую среду дальше – предсказать невозможно, но очевидно, что установился хаос, где последовательно уничтожаются ценности и принципы традиционной университетской культуры.

Именно поэтому, на наш взгляд, потерпели крах едва нарождавшиеся практики этического регулирования в академической среде, выражавшиеся в работе комиссий по этике. Иногда, в некоторых вузах, они достаточно активно трудились, стремясь сгладить существующие конфликты. При этом основанием принимаемых решений было идеальное представление наиболее уважаемых коллег о стандартах наилучшей практики, принятой в университетской культуре. Но теперь, когда на смену решениям коллектива пришла властная вертикаль, коллеги превращены в подчинённых, образовательный процесс перешёл в сферу услуг, а исследовательский поиск – в сферу бизнеса, трансформировались сами ценности академической культуры. По логике вещей, на смену академической этике в таких условиях должна была бы прийти этика бизнеса, которая в нашей стране имеет традиции весьма успешного применения. Но дело в том, что этика бизнеса базируется на важнейшем основании – представлении о социальной ответственности и подотчётности обществу деловой сферы. В былой системе ценностей, которая, возможно, ещё не до конца ушла, университеты несли значительную социальную ответственность, выраженную в миссии служения интеллектуальному и культурному росту общества. Специальные, часто надуманные (как это часто водится у бизнес-корпораций), программы социальной ответственности высшей школе не требовались. Такого рода программа была одна: в университет приходил вчерашний школьник, получивший «среднее» образование, а через 5 или 6 лет выходил классный специалист, который мог быть успешным и в России, и за рубежом. Но ныне, когда в коммерциализированном университете педагогическая работа отодвинулась не на второй, а даже на более отдалённый план (после бизнеса, административно-бюрократической работы и имитации исследовательской деятельности), его главная миссия стала разрушаться. Отсюда появилось множество искусственных, якобы демонстрирующих социальную ответственность вуза, проектов, которые на поверку оказываются рекламными акциями, призванными способствовать привлечению финансовых средств. Другая важная черта этики бизнеса – это создание комфортных условий труда работников и налаживание прозрачных, понятных всем отношений в деловой среде. Но, как уже было сказано, такой тенденции в вузах нет; напротив, есть тенденция к ухудшению положения простого работника и усложнению трудовых отношений. Есть впечатление, что обитатели университетов окончательно запутались в том, какими должны быть их профессиональные отношения с университетом и с коллегами с точки зрения принятого стандарта.

Теперь, в качестве резюме, следует ответить на первый вопрос, заданный редакцией журнала «Ведомости НИИ ПЭ»: «Не утопично ли проектировать моральные конвенции организационной и профессиональной этики?». Если говорить конкретно об университетской этике, то на данный момент – утопично. Академическая этика, формировавшаяся в нашей стране долгое время, оказалась утопией в плане бессилия отстоять свой ценностный мир. Она не смогла защитить университеты от трансформации в другой статус, т.е. в некое подобие бизнес-проекта, а сама пала жертвой антиутопии коммерциализации. Назначение этики высшей школы сегодня – это взывать к высоким культурно-просветительским идеалам в то время, как вся система разворачивается против них. В сложившейся ситуации это и есть утопия.

И тут следует ответить на второй вопрос: «Реалистичны ли самые-самые правильно созданные кодексы, если ценности профессии сегодня могут поддерживаться лишь индивидуальным моральным выбором?» Кодексы, которые будут создаваться либо модерни-

зироваться в ближайшее время, несомненно, начнут использовать элементы вузовской этики нового типа, т.е. формулировки, близкие к деловой этике. Прежде всего это выразится в сокращении ценностного содержания и увеличении обязанностей рядовых сотрудников. Этика уходящего, идеального типа всё больше будет делом личного выбора сотрудников, которые не смогут примириться с распространяющимися в вузах безличными деловыми отношениями. Уже сейчас сотрудники, привыкшие отдавать себя студентам и выстраивать с ними исследовательские сообщества, чувствуют себя крайне неудобно. Они даже статьи пишут, будто обращаются к своим студентам, и административную работу ведут исходя из того, что студенты – главные обитатели вуза. Всё это не вписывается в систему, которая требует безличных публикаций и отчётов. У руководства, особенно там, где его роль выполняют «эффективные менеджеры», такие люди на плохом счету. Но ценность этих людей заключается в том, что для них этика университета – действительно дело личного выбора, а значит, не совсем утопия. Защищая её аутентичные ценности, они верят в их действенность и создают свой мир общения с единомышленниками, существуя в условиях недружелюбной среды. И, как бы кому ни казалось, именно такие люди обладают высочайшим авторитетом у студентов и коллег. А это значит, что подлинная этика университета ещё живёт; иногда в виде повседневного общения, осуществляемого вне властных отношений, иногда как слабый протест против конъюнктуры, иногда как ностальгия по былым временам. Утопично думать, что эти отношения, сложившиеся в большинстве своём на уровне межличностных отношений, остановят разрушение традиционной университетской культуры. Но можно и нужно надеяться, что студенты, которые учились у преподавателей– носителей аутентичной академической этики, сами станут блестящими педагогами и в будущем не дадут скатиться университетской среде на уровень банальных бизнес-проектов.

Список литературы

1. *Афанасьева В.* Пять признаков тяжелой болезни российского образования // <https://philologist.livejournal.com/9233361.html>
2. *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Этика профессии: миссия, кодекс, поступок. Тюмень: НИИ прикладной этики, ТюмГНГУ, 2005.